

НА СКЛОНЕ лет человек обычно перебирает в памяти пережитое. За плечами у меня десятки ролей, сыгранных в театре и кино. Я встречался и дружил со многими выдающимися людьми. Но, ничуть не преувеличивая, скажу, что самым значительным и важным событием в моей жизни было знакомство с Владимиром Владимировичем Маяковским. Я ощущал и продолжаю ощущать его своей художественной совестью. Собственным примером он учил гражданской активности, творческой смелости, высокой ответственности за свою работу в искусстве.

сать куплеты для оперетты «Гейша»? Значит, суждено все-таки работать вместе. Только теперь это будет настоящая работа».

Репетируем в саду «Аквариум» на открытой площадке. Весенний ветерок бодрит нас, и без того радостных и возбужденных. Затем репетиции переносятся на сцену. Маяковский все время в театре. Показывает мизансцены, помогает художникам, на ходу придумывает новые реплики. До сих пор я играл преимущественно в классике и сейчас с удовольствием ощущаю неслыханную свободу живой разговорной интонации, которой пуль-

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

НАСТОЯЩАЯ РАБОТА

Впервые я увидел Маяковского в Настасьинском переулке, в «Кафе поэтов». Он читал «Облако в штанах». Отчетливо помню — поразили и сами стихи, и необычная манера чтения. Маяковский не декламировал нараспев, как многие другие поэты. Его голос, который, действительно, временами был «страшен силою ярой», гремел, героический пафос сменялся почти бытовыми интонациями, а сарказм — проникновенным лиризмом. В чтении поэта самые сложные стихи становились абсолютно понятными, говоря его же словами — «простыми, как мычанье».

Первое впечатление, как это часто бывает, оказалось решающим: я проникся к Маяковскому симпатией и уважением, и с годами они лишь укреплялись во мне. Его поэма «Война и мир» явилась для меня не только художественным потрясением. По существу, она открыла мне глаза на антинародный характер мировой войны.

Со стихами Маяковского приходило четкое понимание текущих событий. Как «простое дело» представляли в этих стихах высокие слова «революция» и «социализм». Со всей страстью утверждалось искусство, нужное сегодня людям, как хлеб. Подражая Маяковскому, я с первых же шагов на сцене стремился к самому тесному контакту со зрителями. Пользовался каждой возможностью встретиться с рабочими, крестьянами, красноармейцами. Радовался, когда случалось поехать с концертом в деревню или прямо на паровозе отправиться в депо к железнодорожникам. Знал, что Маяковскому это понравилось бы.

Во мне, молодом актере, он пробудил глубокий творческий интерес к современности, который сказался и на выборе моего собственного пути в театральном искусстве: я пришел к его другу и соратнику В. Э. Мейерхольду, первым взявшемуся за воплощение революционного репертуара.

Начиная с «Мистерии-буфф» Мейерхольд ставил все пьесы Маяковского. «Ну, вот мы снова встретились, — сказал мне Маяковский на первой репетиции «Мистерии» в Москве. — Помните, вы просили напи-

сирует стих Маяковского.

В «Мистерии-буфф» у меня было две роли, в «Клопе» — одна, но главная. Войти в образ Присыпкина удалось не сразу. Походка, жесты, мимика — все это в значительной степени было подсказано самим Маяковским. Он же нашел интонационный рисунок речи для моего персонажа. С громовым пафосом произносил: «В нашей красной семье не должно быть никакого мещанского быта и брючных неприятностей». И прибавлял неуверенно: «Во!» Это соединение наглости с трусливой неуверенностью стало зерном образа.

Играя Присыпкина, я чувствовал себя «мобилизованным и призванным» в ту армию, в рядах которой сражался Маяковский. Никто не умел ненавидеть мещан так, как он, и никто не бичевал их так яростно, как он. Более выразительного, более концентрированного изображения мещанства, чем в «Клопе», я не встречал.

Маяковский был человеком конкретного дела и в стихах, и в жизни, мгновенно откликаясь на актуальные события, не уходя от трудностей, действуя решительно и инициативно. Вспоминаю, как во время репетиции возник спорный вопрос. Кто-то предложил специально собраться и обсудить его. «Все утрясем в рабочем порядке, — сказал Владимир Владимирович. — Заседать легче, чем созидать».

Стихи Маяковского «Прозаседавшиеся», «Необычайное приключение...», «Столп», «О дряни» и другие всегда составляли ядро моего поэтического репертуара, неизменно вызывая живую реакцию слушателей. Поэт был непримирим к нашим недостаткам, потому что не умел смотреть на жизнь равнодушно, со стороны. Жить мог только в самой гуще жизни, в едином порыве «с теми, кто вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден».

Как-то Лев Толстой сказал, что герой его повести, которого он любит «всеми силами души», — правда. Герой Маяковского — проникновенная правда о нашей революции, и это делает его поэзию вечным источником силы и вдохновения для всего советского искусства.